

Амонова Д. С.¹, Ананченкова П. И.², Мореева Е. В.³

ДОЛГОЛЕТИЕ И СМЫСЛ ЖИЗНИ: АНТРОПОЛОГИЯ ВОЗРАСТНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

¹Российско-Таджикский (Славянский) Университет, 734025, Душанбе, Республика Таджикистан;²ФГБНУ «Национальный научно-исследовательский институт общественного здоровья имени Н. А. Семашко» Минобрнауки России, 105064, г. Москва;³ФГБОУ «Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)», 119071, Москва, Россия

В статье рассматривается феномен долголетия сквозь призму философской антропологии, с акцентом на экзистенциальные, феноменологические и этические аспекты старения. Автор анализирует старость не как биологический упадок, а как особую стадию человеческого существования, насыщенную смыслом, рефлексией и внутренней завершённостью. Пожилой возраст интерпретируется как пространство символической сборки биографии, культурной передачи и развития геронтологической субъективности. В статье обосновывается необходимость пересмотра утилитарных представлений о старости и признания её онтологической и антропологической значимости.

Ключевые слова: долголетие; старение; смысл жизни; философская антропология; идентичность; экзистенция; телесность

Для цитирования: Амонова Д. С., Ананченкова П. И., Мореева Е. В. Долголетие и смысл жизни: философская антропология возрастных трансформаций. Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2025;33(спецвыпуск 1):760—764. DOI: <http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2025-33-s1-760-764>

Для корреспонденции: Амонова Дильбар Субхоновна; e-mail: amonovads@rambler.ru

Amonova D. S.¹, Ananchenkova P. I.², Moreeva E. V.³

LONGEVITY AND THE MEANING OF LIFE: THE ANTHROPOLOGY OF AGE-RELATED TRANSFORMATIONS

¹Russian-Tajik Slavic University, 734025, Dushanbe, Republic of Tajikistan;²N. A. Semashko National Research Institute of Public Health, 105064, Moscow, Russia;³A. N. Kosygin Russian State University (Technology. Design. Art), 119071, Moscow, Russia

The article examines the phenomenon of longevity through the prism of philosophical anthropology, with an emphasis on the existential, phenomenological and ethical aspects of aging. The author analyzes old age not as a biological decline, but as a special stage of human existence, saturated with meaning, reflection and inner completeness. Old age is interpreted as a space of symbolic assembly of biography, cultural transmission and development of gerontological subjectivity. The article substantiates the need to revise utilitarian ideas about old age and to recognize its ontological and anthropological significance.

Key words: longevity; aging; the meaning of life; philosophical anthropology; identity; existence; physicality

For citation: Amonova D. S., Ananchenkova P. I., Moreeva E. V. Longevity and the meaning of life: a philosophical anthropology of age transformations. *Problemy socialnoi gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny*. 2025;33(Special Issue 1):760–764 (In Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2025-33-s1-760-764>

For correspondence: Dilbar S. Amonova; amonovads@rambler.ru

Source of funding. This study was not supported by any external sources of funding.

Conflict of interest. The authors declare no apparent or potential conflicts of interest related to the publication of this article.

Received 28.01.2025

Accepted 21.03.2025

Введение

В последние десятилетия человечество вступило в новую демографическую эпоху, характеризующуюся устойчивым увеличением продолжительности жизни, старением населения и ростом числа людей, достигших и перешагнувших границы пожилого возраста. Этот феномен приобретает глобальный масштаб: согласно данным ООН, к середине XXI в. доля людей старше 65 лет в мире превысит 16%, а в ряде стран Европы и Восточной Азии — более 30% [1]. Такое смещение возрастной структуры общества требует не только социоэкономических и биомедицинских решений, но и глубокого философского осмысления.

Долголетие, которое ранее воспринималось как исключение или дар судьбы, сегодня становится массовым и предсказуемым этапом жизненного пути. Однако увеличение продолжительности жизни

не тождественно увеличению её полноты или насыщенности смыслом. Возникает вопрос: каким образом человек, обретая дополнительные десятилетия, осмысляет своё бытие, идентичность, ценности и перспективы? Что означает «жить долго» — биологически, социально, экзистенциально? Какие философские и антропологические последствия несёт за собой переход к обществу долголетия?

Философская антропология как дисциплина, стремящаяся постичь целостность человеческого существа в его временной, телесной, сознательной и символической заданности, предлагает инструментарий для анализа старения и долголетия не просто как фазы упадка, но как особого состояния субъекта, характеризующегося накоплением опыта, углублением самосознания и расширением горизонтов бытия. Вопрос о смысле жизни в старости становится центральным, поскольку в этом возрасте человек чаще всего сталкивается с завершённостью жизнен-

ного пути, необходимостью ретроспективной оценки и экзистенциальной переориентации.

Современная философия возраста, опираясь на труды таких мыслителей, как К. Ясперс, Г. Гадамер, П. Рикёр, А. Мейонг, а также идеи феноменологии, экзистенциализма и персонализма, утверждает, что старение — это не только физическая и социальная трансформация, но и уникальная стадия развития личности. Она сопровождается изменением восприятия времени, памяти, телесности, отношений с близкими и обществом. Возраст становится пространством рефлексии, переработки прошлых смыслов и возможного открытия новых, а долголетие — ресурсом личностного и духовного роста.

Материалы и методы

Настоящее исследование носит междисциплинарный характер и опирается на комплексный подход, сочетающий философский, герменевтический, феноменологический и культурно-антропологический методы. Методологическая стратегия исследования базируется на синтезе философского мышления и эмпирико-культурного анализа, что позволяет рассматривать долголетие не как статистическую аномалию или биологическую норму, а как насыщенную смыслом фазу человеческого бытия, требующую этического, герменевтического и экзистенциального признания.

Результаты и обсуждение

Старение следует рассматривать не только как биологический и хронологический процесс, связанный с изменением функций организма и социальным статусом индивида, но и как глубоко экзистенциальную трансформацию — переход к особому типу бытия, в котором субъективное восприятие времени, ценностей и смысла жизни обостряется и приобретает иное качество. Именно философская антропология, опирающаяся на традиции феноменологии, экзистенциализма и герменевтики, позволяет рассмотреть старение в качестве полноценной стадии человеческого развития, насыщенной смыслом и направленной на завершённость жизненного пути.

В философии Мартина Хайдеггера, особенно в его работе *«Бытие и время»*, центральной категорией является «бытие-к-смерти» — осознание конечности своего существования как подлинное условие аутентичной жизни [2]. В молодости смерть зачастую вытесняется в сферу абстрактного, будущего, отдалённого, однако с возрастом она становится всё более конкретным горизонтом, который задаёт новый ракурс существования. Пожилой человек оказывается в положении, где жизненное время уже не воспринимается как бесконечный ресурс, и именно это позволяет ему иначе соотноситься с прошлым, настоящим и оставшимся будущим. В этом смысле старение — это не просто снижение витальных функций, но переход к экзистенциальной плотности времени: каждый момент приобретает большую

ценность, становится наполненным рефлексией и ответственностью за то, что было и что остаётся.

Карл Ясперс, в своей *«Философии»*, рассматривает старение как пограничную ситуацию — такую, в которой человек сталкивается с фундаментальными пределами своего существования: страданием, виной, смертью [3]. Эти ситуации, по К. Ясперсу, невозможно преодолеть, но через них возможно достичь подлинности, пробуждения экзистенциального сознания. Пожилой возраст предоставляет уникальную возможность к вхождению в такие состояния: осознание утрат, прощение с прежними ролями, телесные изменения и постепенное отстранение от активной социальной жизни становятся условиями философской рефлексии, внутреннего роста, принятия конечности.

Подход Виктора Франкла, основателя логотерапии, предлагает дополнить это представление акцентом на смысловую активность личности [4]. В. Франкл утверждает, что человек не просто живёт в потоке времени, но реализует себя как существо, стремящееся к смыслу, преодолевая экзистенциальный вакуум через творчество, переживание ценностей и принятие страдания. Старение и особенно долголетие усиливают смысловую нагрузку жизни: увеличивается дистанция, с которой можно взглянуть на собственный путь, возрастает важность переживания завершённости, внутренней цельности и духовного итога. По В. Франклу, именно в напряжении между тем, что было, и тем, что ещё возможно, раскрывается человеческое достоинство: даже в условиях утраты и болезни человек может сохранять свободу отношения к своей судьбе и утверждать смысл.

Таким образом, старость предстаёт не как пассивная фаза угасания, а как кульминация экзистенциального пути, этап, на котором возможно высвобождение духовных и символических смыслов, переработка жизненного опыта, переосмысление идентичности и восстановление связей с миром через новую глубину понимания. Старение становится временем антропологического сбора — когда фрагменты прожитого складываются в целостную биографию, а человек становится не просто носителем прошлого, но его интерпретатором и передатчиком.

Понимание старения как экзистенциальной трансформации позволяет разрушить редуционистские представления о пожилом возрасте как исключительно времени утрат и ограничений. Напротив, в философском измерении долголетие обретает потенциал зрелой, саморефлексивной жизни, где становится возможным активное завершение жизненного проекта, прощение, благодарность, передача и оставление духовного наследия. Эта стадия требует нового взгляда — не как на преддверие конца, но как на пространство высшего уровня бытия, где смысл становится не только возможным, но и необходимым.

Процесс старения неизбежно сопряжён с возвращением к прошлому, реконструкцией памяти и стремлением к смысловому завершению собствен-

ной жизненной траектории. В философской антропологии всё большую значимость приобретает идея того, что субъект — это не только мыслящее или действующее существо, но прежде всего *повествующее*, т. е. способное осмысливать себя во времени через рассказ. Именно в пожилом возрасте эта *нарративная функция* сознания выходит на передний план и становится важнейшим механизмом поддержания личной идентичности.

Французский философ Поль Рикёр в своём фундаментальном труде «Время и рассказ» вводит понятие нарративной идентичности, обозначая им особый способ, с помощью которого человек понимает и удерживает себя как «того же самого» — несмотря на физические и психологические изменения, происходящие в течение жизни [5]. В отличие от фиксированной «самотождественности», нарративная идентичность формируется через интерпретацию жизненного опыта, его селекцию, реконструкцию и интеграцию в повествовательную структуру, которая делает жизнь осмысленной и связной.

В контексте старения эта концепция приобретает особую глубину. Пожилой человек, рефлексировав над собственной биографией, не просто вспоминает отдельные эпизоды — он *переписывает* и *пересобирает* их, придавая им символический порядок и интерпретируя их в свете новых горизонтов понимания. Такой «монтаж» прошлого позволяет достичь чувства завершенности, внутренней целостности и духовного согласия с самой собой. Психологические исследования подтверждают, что пожилые люди, осмысленно интегрирующие жизненные события в единый нарратив, демонстрируют более высокий уровень субъективного благополучия, меньше подвержены депрессии и экзистенциальной тревоге.

Старение также обостряет вопрос памяти как формы бытия во времени. Память — не просто архив фактов, но активная деятельность сознания, включающая выбор, интерпретацию и символизацию. По М. Хальбваксу и Я. Ассману, память существует в двух измерениях: *индивидуальном* и *коллективном*. Стареющий человек удерживает в себе не только личную историю, но и историческую ткань эпохи, культурные коды, социальные трансформации [6]. Он становится носителем культурной памяти, своеобразным «свидетелем времени». Поэтому долголетие имеет не только биографическое, но и антропологическое измерение: это возможность передать знания, смыслы и ценности, накопленные в течение жизни, следующим поколениям.

Нарастающее в старости стремление к воспоминанию, мемуаризации, устному рассказу и архивированию опыта — это не только естественный психический процесс, но и важнейшая форма участия в интергенерационном диалоге. В условиях фрагментарной и ускоряющейся современной культуры пожилой человек играет роль *хранителя истории*, чьё присутствие стабилизирует коллективную идентичность. Через акты рассказа он возвращает молодым поколениям ощущение преемственности и укре-

нённости, давая возможность увидеть свою жизнь не в изоляции, а как часть большей историко-культурной матрицы.

Таким образом, старение проявляется как стадия, в которой происходит не только телесное угасание, но и смысловая кульминация субъективной жизни. Через память и нарратив индивид не просто сохраняет свою идентичность, но активно её формирует, завершая экзистенциальный цикл. Эта стадия требует от общества не изоляции пожилого человека, а признания его статуса как *носителя смысла*, чья жизнь — не просто хронология событий, а метафорическое произведение, способное просветить и обогатить коллективное сознание. Нарративная целостность, достигаемая в поздние годы, есть не столько результат саморефлексии, сколько акт символического подведения итогов человеческого существования в его наиболее зрелой форме.

Проблема телесности в контексте старения также представляет собой ключевое философско-антропологическое измерение, в котором пересекаются биологический, экзистенциальный и феноменологический уровни анализа. Стареющее тело утрачивает прежнюю функциональность, становится уязвимым, требующим ухода и всё чаще воспринимается субъектом как «инаковое», сопротивляющееся воле и привычным действиям. Однако редукция старения к биологическому износу не способна объяснить полноту переживаемого опыта в пожилом возрасте. Философия тела — от М. Мерло-Понти до Д. Лойда и Т. Фучса — предлагает взглянуть на стареющее тело не как объект дисфункций, а как *переживаемое тело*, неотделимое от субъективного мира индивида.

М. Мерло-Понти в «Феноменологии восприятия» утверждает, что тело — это не инструмент сознания, но сама структура воплощённого присутствия в мире [7]. Через тело человек воспринимает, действует, любит, страдает и, в конечном итоге, становится собой. Старение в этом контексте — это не просто потеря, но *изменение способа воплощённого бытия*. Пожилой человек начинает иначе ощущать пространство (оно становится более локализованным), время (возникает сжатие долгих лет в краткий символический обзор), а также ритмы повседневности — они замедляются, обостряя внимательность и телесную рефлексия.

Парадокс старости состоит в том, что с утратой продуктивных возможностей тела возрастает глубина телесной рефлексии. Пожилое тело, лишённое спонтанной подвижности, становится *местом созерцания* (контемплации), напоминая тем самым модели восточной медитативной антропологии, в которых ограничение внешней активности открывает доступ к внутреннему измерению опыта. Геронтологическая субъективность, таким образом, — это не просто стареющий субъект, но особая форма самосознания, в которой доминируют качество над количеством, проживание над производством, глубина над скоростью. Это состояние может быть ин-

терпретировано как *онтологическая инаковость*, а не как дефицит.

Одним из ключевых аспектов геронтологической субъективности становится темпоральность. Старение сопровождается радикальной перестройкой временного восприятия: будущее теряет вектор экспансии, настоящее обретает плотность, прошлое — символическую доминанту. Это позволяет пожилому субъекту отойти от телесной инерции продуктивности, навязанной современной капиталистической культурой, и сосредоточиться на актах присутствия, воспоминания, «вкушения» времени. В определённом смысле старение делает возможным возвращение к *онтологическому времени*, в котором события приобретают экзистенциальный вес, а не просто проходят.

В этом контексте старость становится временем антропологического разворота: от «быть ради» (деятельности, карьеры, накопления) — к «быть по» (присутствию, воспоминанию, смыслу). Возникает своеобразная «геронтологическая феноменология» — способ переживания мира, насыщенный метафизической плотностью. Этот опыт не может быть редуцирован к медицинским или социальным показателям. Он требует признания в качестве *ценного и онтологически полноправного* способа существования.

Кроме того, следует отметить, что в стареющем теле с особой остротой переживается граница между «Я» и другим — как в эмпирическом (потребность в помощи, зависимости), так и в трансцендентальном смысле (приближение к смерти, встреча с конечностью). Именно в этом аспекте стареющее тело становится феноменом, через который субъект впервые *до конца* осознаёт свою смертность, хрупкость и принадлежность к природному порядку. Как писал Э. Левинас, тело в старости открывает субъекту его радикальную уязвимость, но одновременно и ответственность — за себя, за другого, за прожитую жизнь.

Таким образом, старение трансформирует тело не только как физиологическую структуру, но и как поле смысла. Оно перестаёт быть прозрачным инструментом и становится предметом осмысления — тем, что *обнаруживает себя* в каждом движении, боли, слабости, но и в созерцательной радости, прикосновении, присутствии. Философия старения призвана вернуть уважение к стареющему телу как к месту экзистенциальной истины — того, как человек присутствует в мире, принимает своё несовершенство и открывается смыслом, выходящим за пределы продуктивности и молодости.

Заключение

Старение и долголетие, выходя за пределы биологических и медицинских категорий, требуют философско-антропологического осмысления как уникальной фазы человеческого существования. Современное общество, вступившее в эпоху демографического старения, сталкивается не только с вызовами здравоохранения, социальной поддержки и пенси-

онной политики, но и с необходимостью глубинного переосмысления статуса пожилого человека, понимания старости как значимого периода личной и духовной зрелости.

Анализ, проведённый в данной работе, показывает, что старение следует воспринимать не как линейный упадок, а как экзистенциальную трансформацию — переход к иному способу бытия, где утрачиваются привычные формы активности, но обостряется внутренняя рефлексия, углубляется восприятие времени, усиливается поиск и восстановление смысла. В этом отношении старость оказывается антропологически плодотворной стадией, в которой возможно не только подведение итогов, но и их философское осмысление, внутреннее завершение и открытие новых горизонтов субъективности.

Центральную роль в этой трансформации играют память и нарративная идентичность, позволяющие человеку интегрировать прожитый опыт в осмысленную биографию. Старение тем самым выступает как этап «монтажа» жизни — создания внутренне связной, символически завершённой истории, которая не только поддерживает чувство самостождественности, но и формирует основу для передачи жизненного опыта другим. Пожилой человек становится не просто носителем прошлого, но его интерпретатором и передатчиком, что придаёт долголетию не только личную, но и культурно-антропологическую значимость.

Не менее важен философский взгляд на телесность в старости. Утрата физических возможностей не означает обесценивания бытия: напротив, именно через изменённое телесное переживание открываются новые способы восприятия мира — более замедленные, контемплативные, насыщенные метафизической плотностью. Старость как телесное состояние вызывает к жизни особую геронтологическую субъективность, в которой преобладают не продуктивные, а рефлексивные, созерцательные формы жизни. Это требует этической переоценки роли пожилого человека в обществе — как субъекта смысла, а не только потребителя помощи.

Особое внимание заслуживает этическое измерение долголетия. В условиях культурной ориентации на молодость, эффективность и внешнюю активность философия старения утверждает альтернативные ценности: мудрость, достоинство, терпимость, принятие, передача, внутреннюю зрелость. Долголетие может быть как источником страдания и изоляции, так и пространством духовного роста — в зависимости от того, насколько субъект, а также социум, готовы признать старость не как обременение, а как форму полноты жизни. Этическая зрелость старости проявляется в способности быть, несмотря на утраты; принимать, несмотря на ограниченность; делиться, несмотря на изоляцию.

Таким образом, философская антропология старения не только углубляет наше понимание поздних этапов жизни, но и предлагает новую культурную парадигму долголетия — такую, в которой пожилой возраст воспринимается не как обрыв, а как куль-

минация; не как потеря, а как иное бытие; не как окончание, а как форма завершения и передачи. Старость — это не конец жизненного проекта, а его смысловая высота.

В обществе, признающем ценность долголетия, пожилой человек обретает статус не маргинального субъекта, а носителя зрелости, интерпретатора времени, свидетеля эпох. Такой взгляд меняет саму ткань общественной солидарности, способствует межпоколенческому диалогу и формирует культуру уважения к уязвимому, но глубоко человеческому. В этом смысле философия долголетия — не только гуманитарное исследование, но и культурный вызов, приглашение к новой этике, в центре которой — достоинство, завершённость и смысл человеческой жизни на её заключительном, но, возможно, самом важном этапе.

Авторы заявляют об отсутствии внешних источников финансирования при проведении исследования.

Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Щербакова Е. Население мира по оценкам ООН пересмотра 2019 года // Демоскоп weekly. 2019. № 821-822. С. 1–30.
2. Хайдеггер М. Бытие и время. Избранные параграфы // Работы и размышления разных лет. М.; 1993. С. 1–45.

3. Лакаев П. В. Когда жизнь становится испытанием: пограничные ситуации в философии экзистенциализма // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2024. № 1. С. 98–109.
4. Уколова Е. М. Идея личности в учении Виктора Франкла. Дис. ... канд. психол. наук. М.; 2016.
5. Рикер П. Время и рассказ. Конфигурации в вымышленном рассказе. М.; 2000. Т. 2.
6. Сульжицкий И. С. Становление и развитие memory studies: социологический проект М. Хальбвакса // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2017. № 4. С. 112–122.
7. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб.; 1999.

Поступила 28.01.2025
Принята в печать 21.03.2025

REFERENCES

1. Shcherbakova E. The world population according to the UN estimates of the revision of 2019. *Demoscope Weekly*. 2018;(821-822):1–30. (In Russ.)
2. Heidegger M. Genesis and Time. Selected paragraphs. *Works and reflections from different years*. Moscow; 1993:1–45. (In Russ.)
3. Lakaev P. V. When life becomes a test: borderline situations in the philosophy of existentialism. *Bulletin of the Moscow State Pedagogical University*. The series “Philosophical sciences”. 2024;(1):98–109.
4. Ukolova E. M. The idea of personality in the teachings of Viktor Frankl: Diss. ... Cand. Sci. (Psychol.). Moscow; 2016. (In Russ.)
5. Riker P. Time and story. Configurations in a fictional story. Moscow; 2000. Vol. 2. (In Russ.)
6. Sulzhitsky I. S. The formation and development of memory studies: a sociological project by M. Halbwaks. *Belarusian State University. Sociology*. 2017. No. 4. pp. 112–122. (In Russ.)
7. Merleau-Ponty M. Phenomenology of perception. Saint Petersburg; 1999. (In Russ.)